

Он бежал, потеряв обувь, и теперь босые ноги ступали по каменистой земле. Слезы капали на землю, но у него не было времени вытирать их. Он не знал, в каком из грузовиков находился братец-солдат, поэтому бежал, крича.

— Я здесь! Я здесь!

— Ты забыл меня? Ты забыл взять меня с собой?

Песок попал ему в глаза, заставляя кашлять.

Песчинки смешались со слезами, а темные машины уезжали все дальше.

Он упал на колени, больше не в силах бежать. Его ступни истекли кровью, колени были стерты до ран. Но настоящая боль была в душе. Вокруг была лишь тьма, и он не видел ни единого луча света.

Сяо Цзян попытался сопротивляться, но Бань Цзюнь крепко схватил его за запястье, другой рукой разорвал его халат, обнажив шрам на руке, который подтверждал, что он не ошибся в своем выборе.

Он начал яростно двигаться, прерывая слова Сяо Цзяна. Обрывки оправданий и вопросов превратились в тяжелое дыхание, каждый толчок вырывал из горла стон.

Задница Сяо Цзяна напряженно сжималась, но Бань Цзюнь с силой прорывался внутрь. Удовольствие от тела и душевная боль оставляли раны, под одеялом смешивались пот и следы крови.

Неизвестно, из-за страха или слишком сильного удовольствия, но Сяо Цзян первым кончил между ними. С каждым толчком Бань Цзюня из его члена вытекала сперма. Уголки глаз Сяо Цзяна стали влажными, и, как только Бань Цзюнь отпустил его запястье, он попытался оттолкнуть его, но снова был схвачен.

Их тела сжались еще плотнее, Бань Цзюнь поднял его с кровати, прижав к углу между стеной и постелью. Сяо Цзян больше не мог отстраниться, а Бань Цзюнь, получив опору, словно хотел вдавить его в стену.

Холодная стена за спиной и горячее тело перед ним создавали резкий контраст. Боль от глубоких толчков постепенно притупилась, предыдущий оргазм лишил его сил, и он, словно пустая оболочка, позволял Бань Цзюню безудержно брать свое.

Его задница была полностью раскрыта, и Бань Цзюнь легко проникал внутрь. Однако он остановился, как зверь, языком раздвинув губы Сяо Цзяна, исследуя десны, забирая последние капли слюны.

Горло Сяо Цзяна пересохло от стонов, уздечка языка болела, но он уже не мог оттолкнуть Бань Цзюня, лишь положив руки на его талию.

Ему было что сказать. Он хотел объяснить, что не знал, почему тогда приказал отступить, почему забрал это место.

Он слышал, как маленький Вожак бежал и кричал, но, когда он встал в грузовике, получил пощечину, и вождь закрыл ему рот.

Он был всего лишь братцем-солдатом, он ничего не мог сделать. Он даже не мог сказать «прости», лишь слезы стекали по пальцам вождя.

Его чувства были погребены в молчании войны, а маленький Вожак оставил ему лишь тень. И слова упреков, полные разочарования.

После этого он много раз бывал на Северных Равнинах.

Но было слишком поздно. Он пришел слишком поздно.

Когда Юнцзэ оккупировали территорию, Усяо временно разорвали отношения, и он не мог приехать.

Когда Юнцзэ создали лагеря для заключенных, Усяо потеряли авиасообщение из-за альянса с другими племенами, и он снова не мог приехать.

Когда Юнцзэ ушли, он наконец ступил на землю Реки Черных Скал, но больше не увидел бедных людей и переполненных деревень. Вместо них остались лишь заводы и старики.

Молодежь ушла, куда угодно.

Он спрашивал везде, но даже не знал имени маленького Вожака.

Он даже не знал, что на груди у маленького Вожака уже был татуирован символ Реки Черных Скал.

Сяо Цзян снова возбудился от движений Бань Цзюня, чувствуя его сильную ненависть. Эта ненависть превратилась в жестокую агрессию, словно он хотел содрать с него кожу. Его член едва поднялся, а кровь, казалось, высасывалась Бань Цзюнем.

— Хватит, хватит... Очень больно, хватит.

Он больше не мог терпеть, он не хотел больше этого. Его удовольствие превратилось в боль, но он все еще хотел кончить.

В этом насилии его нижняя часть тела словно перестала принадлежать ему, став лишь сосудом для Бань Цзюня. Он положил подбородок на шею Бань Цзюня, а его губы и язык ощущали соленый пот.

Но Бань Цзюнь сказал, что все его мольбы — это ерунда.

Бань Цзюнь резко ущипнул его сосок, заставляя Сяо Цзяна снова положить руку на его татуировку.

Насилие казалось бесконечным, и его сперма снова была выжата.

Бань Цзюнь схватил его за волосы, несколько раз глубоко вошел внутрь и, словно желая выкачать из него все, достиг оргазма.

Сперма заполнила глубину, и они, обливаясь потом, обнялись.

Это была тюремная форма, натянутые сетки, мешки с песком и бесконечная работа с углем. Это был палящий солнце и холодный снег, потрескавшаяся земля и бурлящая Река Черных Скал.

Маленький росток пророс в трещине, выдержав жару и дожди, оскорбления и побои, заключение в темных камерах и подвалах, а затем он бежал.

Он бежал босиком по песчаной земле, без обуви, без рубашки. Когда с него сняли повязку, он побежал к зеленому флагу и упал на колени перед людьми Усяо.

Он обхватил ногу пришедшего, говоря:

— Забери меня, увези меня с Северных Равнин, отвези в Усяо. Я готов на все, я сделаю все.

Вэнь Юн громко рассмеялся, поднял сапог, снял очки и внимательно рассмотрел Бань Цзюня у своих ног.

Бань Цзюнь не поднял головы. Ему было все равно, кто его заберет. Он знал только, что тот человек был в Усяо.

Вэнь Юн сказал своему помощнику:

— Этот парень неплох. Узнай, сколько за него запросят.

Член выскользнул из задницы, и Бань Цзюнь лег рядом с Сяо Цзяном.

Они долго молчали, пока пот не высох на их телах. Свет снаружи проникал сквозь занавески, мягко освещая поле боя, где оседала пыль.

— Ты ненавидишь меня, — наконец заговорил Сяо Цзян. — Ты... действительно специально приблизился ко мне.

— Да, — честно ответил Бань Цзюнь.

Сяо Цзян горько усмехнулся и глубоко вздохнул.

— Значит, ты был тем, кто следил за мной?

— Нет, но это не имеет значения. Ты сам решишь, верить ли этому, — без колебаний ответил Бань Цзюнь.

Когда женщина вышла из машины, ее духи привлекли внимание окружающих.

Это был дешевый аромат, подходящий к ее короткой юбке и открытой блузке. Рядом с ней были две подруги, и они, пользуясь наступлением вечера, смеясь, направились к ярко освещенному массажному салону.

Женщина была частью этого пестрого мира, их яркость затмевала даже вывески. Но эта яркость скрывалась в полумраке, словно цветы, одновременно раскрепощенные и осторожные. Это было их местом выживания, где они обменивали духи на деньги и сперму.

Но она хотела обменять их на нечто большее, что позволило бы ей расцвести еще ярче.

Она вошла в комнату, чтобы подготовиться, ведь ей предстояло обслужить важного клиента. Поэтому макияж должен был быть ярче, грудь — казаться больше, почти вырываясь наружу.

Она очистила шкаф от лишних вещей, чтобы внутри мог поместиться человек. Затем тщательно подкрасила губы и выбрала пару туфель на высоком каблуке.

На самом деле, она никогда не понимала, почему мужчинам нужно, чтобы она носила столько одежды. Ведь в конечном итоге они все равно торопливо срывают ее, оставляя даже без носков. Но, повзрослев, она поняла, что это похоже на распаковку подарка. Им нравится видеть упаковку, прежде чем полностью завладеть содержимым.

Подруги вышли, и она открыла окно, выходящее на улицу. Отсюда она могла наблюдать за

толпой, и уже настолько привыкла, что с первого взгляда могла определить, кто мог себе позволить ее услуги.

Например, когда остановилась блестящая машина, и из нее вышел мужчина.

<http://bllate.org/book/15264/1347064>